

В. Орел

НА ПОЛЯХ АЛБАНСКОГО ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Настоящие заметки непосредственно связаны с работой их автора над новым этимологическим словарем албанского языка – большим этимологическим проектом, начатым в черновой форме еще в конце 70-х годов. Побочным продуктом этой работы были многочисленные этюды по истории и происхождению исконных и заимствованных слов албанского языка, а также лексика других индоевропейских языков Балканского полуострова, древних и новых, – этюды эти публиковались на протяжении ряда лет под общим названием “Балканские этимологии”¹. Наряду с чисто этимологическими наблюдениями, исследование албанской лексики естественным образом приводило и к некоторым обобщениям историко-грамматического характера, что позволило мне сформулировать некоторые новые наблюдения в области исторической фонетики (например, правило *ruki* для албанского) и реконструировать праалбанскую именную и глагольную морфологию². В то же время создание единого этимологического свода по албанской лексике на протяжении целого десятилетия наталкивалось на ряд препятствий, среди которых не последние места занимали катастрофическая нехватка албанистической литературы в Москве, в том числе периодических изданий, заключенных в “спецхран”, и полная бесперспективность в отношениях с советскими научными издательствами. Впрочем, повинны не одни лишь внешние обстоятельства – надо полагать, что и пишущий эти строки был пятнадцать лет назад психологически и профессионально не готов к последовательной работе над лексическим массивом албанского словаря с весомым придатком из областной и диалектной лексики, учтенной лишь в забытых Богом и людьми журнальных публикациях. Чтобы усесться за писание словаря вплотную, пришлось преодолеть названные (и многие другие) препятствия, в частности осуществить этимолого-библиографическое обследование нескольких важнейших для албаниста книгохранилищ, в том числе библиотек Британского и Ашмолейского музеев, Греко-славянского филиала оксфордской Тейлорианы, восточноевропейского отдела Иллинойского университета в Урбане-Шампейн и Национальной библиотеки в Тиране. Работа в Тиране (по любезному приглашению албанской Академии наук) была особенно важна для расширения и одновременной редактуры словника, его обкатки и обогащения некоторыми, лексикографически плохо засвидетельствованными формами. Большую пользу принес также личный контакт с коллегами из Албании и с территории бывшей СФРЮ (из Македонии и Косова).

В настоящее время работа над рукописью словаря завершена. Обсуждать принципы его построения тем самым уже поздно (или наоборот, преждевременно), однако – пока автор ищет для рукописи издателя – уместно взглянуть на некоторые новые аспекты этимологического

изучения албанской лексики, какой она предстает на страницах только что законченного справочника. Эти новые аспекты стали вполне очевидными лишь в процессе писания словаря, явившись – замечу – неожиданностью и для автора. Не исключено, что некоторые из этих новых поворотов в развитии албанской этимологии в будущем окажутся принципиально важными как для определения места албанского среди других индоевропейских языков, так и – что не менее важно – для определения места других индоевропейских языков относительно албанского и далее – в общей картине позднего индоевропейского.

I

Как не раз отмечалось в прошлом, лексические изоглоссы албанского амбивалентны в том смысле, что часть их связывает албанский с балто-славянским, в то время как другая часть указывает на близость с “южноиндоевропейскими” языками аугментной зоны³, в том числе в таких значимых сферах, как коневодческая терминология⁴. Ограниченный характер этимологически прозрачной албанской лексики неизбежно препятствовал попыткам сколько-нибудь серьезной изоглоссной интерпретации материала, и внешние связи албанского оставались неопределенными⁵. Подключение новых, прежде не анализировавшихся албанских слов, а также новых, ранее не предлагавшихся этимологий, как выяснилось, меняет ситуацию и приводит к резкому крену в пользу балто-славянских связей албанского. Приведу здесь несколько достаточно характерных примеров.

Албанское название пояса *brez* (заимствованное, как давно известно, в рум. *brîu*, см. Meyer 46–47) получало до настоящего времени лишь весьма сомнительные в фонетическом плане объяснения, такие, как сопоставление с греч. βρόχος ‘петля, веревка, лента’⁶, или семантически не вполне приемлемые сравнения, как, например, гипотеза о связи *brez* с *mbrej* ‘налагать ярмо’⁷. Между тем албанское слово представляет собой более или менее очевидное образование с суф. *-(ë)z* от незасвидетельствованной праалбанской основы **brena* < **breuna*. Последняя, как можно полагать, этимологически идентична лит. *briaunà* ‘край’ – форме, которая стоит особняком в том, что касается огласовки, в кругу сравниваемых с нею германских и кельтских слов (др.-ирл. *brú* ‘берег’ и др.-исл. *brûn* ‘ребро, край’) с их долгим вокализмом (Рокоту I, 170; ср. более широкий диапазон сравниваемых форм – Fraenkel I, 57).

Неясным оставалось алб. *dak* ‘большой баран’. Как было верно замечено, это слово должно быть каким-то образом связано с *dash* ‘баран’⁸. В действительности, если такая связь есть, она служит подсказкой к этимологии *dak*, поскольку происхождение названия *dash* можно считать надежно установленным. Последнее продолжает праалб. **dauša* и родственен герм. **dius*- ‘дикое животное’ (гот. *dius*, др.-исл. *dýr*), а также лит. мн.ч. *daĩsos* ‘рай’ и слав. **duxъ* ‘дыхание, дух’⁹. Аналогичным образом, алб. *dak* может быть объяснено из праалб. **daka* < **dhuokos*,

которое может быть далее сопоставлено со специфически балтийскими образованиями от и.-е. **dheu-* типа лит. *dvėkti* ‘дышать’, и в особенности с его точным соответствием лит. *dvākas* ‘дыхание’. Развитие в анлауте, с утратой и.-е. **-u-* в группе **d(h)u-* перед губным гласным для албанского закономерно¹⁰.

Как и предыдущее слово, алб. *dikë* ‘желание, похоть’, в сущности, оставалось без объяснения¹¹. Я вижу в нем субстантивированное праалбанское прилагательное ж.р. **dikā*, непосредственно сопоставимое с балто-славянским словом, представленным в лит. *dykas* ‘ленивый, пустой’ и слав. **dikъ* ‘дикий’ (см. далее Fraenkel I, 95; ЭССЯ 5, 29–30).

Албанское название страха *dre, droe* и производный от него глагол ‘бояться’ – тоск. *druaj* ~ гег. *druej* – продолжают соответственно праалб. **drāwā* и **drānja*. Последнюю форму можно примирить с консонантным составом имени только в том случае, если мы будем исходить из более старого облика **drāunja*, развитие которого в **drānja* с точки зрения албанского вокализма закономерно. Это обстоятельство само по себе заставляет отказаться от любопытного толкования Камарды¹² (к др.-инд. *trāsati* ‘бояться’, греч. τρέω ‘бежать в страхе’), которое, впрочем, наталкивается и на некоторые другие фонетические препятствия, например на несоответствие в глухости/звонкости анлаута. То же возражение, связанное с анлаутом, можно выдвинуть и против сравнения с др.-в.-нем. *droa* ‘угроза’ (Meyer 75)¹³. Среди других интерпретаций заслуживают упоминания (но не принятия) сравнение с лит. *drovā* ‘робость’¹⁴, которое является бесспорным германизмом, а также с англ. *dread* ‘страх’¹⁵. Ориентируясь на данную выше праалбанскую реконструкцию, мы вполне естественно приходим к сравнению албанского названия страха с его латышским синонимом *druvas* и с литовским глаголом *draudžiu*, *draūsti* ‘запрещать, предотвращать, отпугивать’, ср. также прус. *draudieiti* ‘запрещать, препятствовать’. Как отмечалось ранее (Fraenkel I, 102), это словообразовательное гнездо, в сущности, изолировано и не имеет надежных параллелей за рамками балтийского. На это указывает, кстати, и недавняя не слишком убедительная попытка сопоставить балтийские факты с чеш. *drdati* ‘дергаться, трястись’ и другими подобными славянскими формами (Топоров. Прус. яз. А–D, 367–368), что только подчеркивает одиночество балтийского материала.

Любопытный пример словообразовательной близости между балтийским и албанским обнаруживается, если обратиться к алб. *gjije* ‘стойло, дом’¹⁶. Как показывает гегская форма *gjê* ‘стойло, хлев’, перед нами – сингуляризованное множественное число, образованное исходно от праалб. **saina* (допустима также реконструкция **seina*). Перед нами, таким образом, замечательное по точности соответствие балтийскому названию дома: лит. *siena*, лтш. *siena*. Дальнейшие связи этого слова надежно установлены и ведут к и.-е. **sēi-* ‘связывать’ (Fraenkel II, 782–783; Pokorny I, 891–892).

Еще один пример албано-балтославянской близости обнаруживается в алб. *karth* ‘тропа, особенно – горная тропа’. Оформленное характерным суффиксом *-th*, это слово бесспорно восходит к праалб. **kara*, которое, как представляется, неотделимо от лит. *kāpas* ‘могила’, *korà* ‘дюна’, лтш. *kara* то же¹⁷. Балтийские формы явным образом связаны далее с и.-е. **(s)kep-* ‘щепить, раскалывать, резать’ (Fraenkel I, 217; Pokorny I, 932). Сюда же, в конечном счете, относятся и славянские формы, объединяемые под реконструкцией **kora* ‘копна, куча’, хотя они и могут трактоваться как самостоятельные дериваты **kopati* (ЭССЯ 11, 10–11).

Серьезные сложности вызывает толкование алб. *kot* ‘беспольный, тщетный, напрасный’, к которому обращались такие основатели албанской научной этимологии, как Камарда, связывавший *kot* с греч. *κότος* ‘злоба, ненависть’¹⁸ (однако само греческое слово, в общем, изолировано, см.: Frisk I, 931, и не согласуется с албанским фонетически, именно – в вокализме), и Майер, предложивший малоприемлемое семантически сравнение с греч. *σκότος* ‘тьма’ (Meuer 202). Праалбанский источник алб. *kot* может быть установлен без особых колебаний, поскольку корневое *-a-* однозначно продолжает праалб. **ā* (из и.-е. **ā* или **ē*), в то время как инлаутное *t* либо отражает старое **t*, либо восходит к группе типа **kt*, как в алб. *natë* ‘ночь’ < **nok^hti-*. Сказанное не может не привести нас к соблазнительному сопоставлению *kot*, предположительно из праалб. **kaktu-*, с лит. *koktūs* ‘отвратительный’. Литовское слово этимологически изолировано и, как обычно предполагается, является дериватом лит. *kōks* (Fraenkel I, 279). Такое объяснение, однако, не обязательно, особенно учитывая предполагаемый в последнее время заимствованный характер *kōks* (из славянского, см.: ЭССЯ 9, 118–119). Принимая во внимание экспрессивно-пейоративную семантику нашего прилагательного, можно было бы объяснить албано-балтийское **kāk-tu-* как производное с вторичным удлинением, близкое к изолированному греч. *κακός* ‘плохой, ненавистный’ (Frisk I, 758–759).

К тому же семантическому полю относится еще одна эксклюзивная албано-балтийская изоглосса, представленная с литовской стороны семейством лит. *kraupūs* ‘боязливый, легко поддающийся страху’, *krupūs* то же, *krūpti* ‘пугать’. Данное словообразовательное гнездо желательно было бы отделить от лит. *kraupūs* ‘шероховатый, неровный’, хотя ясно, что в данном сравнении заложен известный семантический потенциал. К слову сказать, лит. *kraupūs* ‘шероховатый, неровный’ естественно видеть в контексте совсем иных внешних связей (Fraenkel I, 291)¹⁹, в том числе в сопоставлении с албанским названием соли *kripë*, гер. *krypē*²⁰. Албанской параллелью к гнезду лит. *kraupūs* ‘боязливый, легко поддающийся страху’ служит глагол *krup* ‘ненавидеть’, продолжающий праалб. **kgrira*, вероятно, отадеактивного происхождения.

Список албано-балтославянских изоглосс, разумеется, не исчерпывается приведенными выше и свидетельствует о бесспорном *особом характере* связей между албанским и балто-славянским.

II

В некоторых случаях, как было показано в свое время О.Н. Трубачевым²¹, этимология способна “питать” сравнительную грамматику в целом и сравнительную фонетику в частности. В ходе работы над албанским этимологическим словарем эта проблема оказалась актуальной по меньшей мере один раз. Речь идет о загадочном отсутствии в албанском надежных следов индоевропейских слов, продолжающих корни на начальное и.-е. **u-* с качественным аблаутом. Исходя из общих соображений, можно было бы ожидать, что подобные формы, начинающиеся на и.-е. **uo-*, обнаружатся в албанском как слова с *va-* в анлауте, однако совершенно очевидно, что это не так. Открыв албанский словарь на начальном *va-*, мы обнаружим там ряд более или менее поздних заимствований типа *vadë* ‘арык’ из южнославянского, несколько случаев вторичной апофонии (ср. *var* ‘вешать, развешивать’ от *vjerr* то же < *wera, образованное по модели *mbar* ‘нести’ от *bie* то же < *bera), а также два специфических слова – *valë* ‘волна’, источником которого мы считаем и.-е. *uolīā, и *vajzë* ‘девочка’, о котором см. раздел III настоящих заметок. В остальном перед нами предстанет достаточно внушительный ряд форм, в котором анлаут *va-* имеют только тоскские формы, в то время как их гегские аналоги начинаются на *vo-*: тоск. *vaj*, гег. *vaj* ‘масло’, тоск. *varfër*, гег. *vorfën* ‘сирота’, тоск. *vatër*, гег. *votër* ‘очаг’ и другие. Как я показал в другом месте²², все подобные случаи представляют собой заимствования римского периода или (как в случае с *vatër*) даже более ранней эпохи. Таким образом, оказывается, что среди форм с начальным *va-* рефлексов старых слов на и.-е. **uo-* нет.

Сплошная этимологизация албанского лексического корпуса позволяет сделать еще одно наблюдение, которое становится ключевым для решения нашей проблемы: среди албанских слов с начальным *u-* подозрительно выделяются формы, для которых приходится предполагать источник с нулевой огласовкой, не имеющей аналогов в других индоевропейских языках. Так, например, обстоит дело с алб. *udhë* ‘путь’. Ясно, что это слово может быть объяснено либо в связи с и.-е. **uedh-* ‘вести’, либо с и.-е. **uegh-* ‘везти’ (Meuер 455)²³, и здесь не место взвешивать, какое из двух решений предпочтительно. Однако предполагать здесь нулевую ступень нет, строго говоря, никаких оснований²⁴. Намного более вероятно, что перед нами – результат *закономерного* фонетического развития *uodhā или *uoghā. В плане огласовки последнего ср., в частности, греч. ὄχος ‘повозка’.

Основываясь на таком предположении, мы немедленно получаем чрезвычайно ценный инструмент, позволяющий – без насилия над материалом – истолковать ряд других сложных случаев с начальным *u-*. Прежде всего это касается возвратной частицы *u*, которая сопровождается рефлексивными глагольными формами. Как было установлено еще Боппом²⁵, данная частица восходит к индоевропейскому возвратному местоимению **sue-*. Однако теперь, имея в виду наше предположение об

источниках начального албанского *u-*, можно точно указать прототип албанской частицы. Им должна была служить форма вин. пад. **sɥom*, эволюция которой в *u* строго обоснована во всех деталях. Подобным же образом можно модифицировать старое объяснение, данное Камардой албанскому глаголу *ul* ‘опускать’, который предлагалось сопоставить с греч. εἴλω ‘закрывать, зажимать, сдавливать’²⁶. Учитывая балтийские параллели к последнему, в частности лит. *valýti* ‘чистить’, *iš-valýti* ‘уносить’, мы вправе предполагать как непосредственный источник *ul* нечто вроде **uolejō* > праалб. **walja*. Еще один любопытный пример – алб. *urë* ‘мост’. Албанское слово может быть полностью отождествлено с др.-исл. *vqr* ‘ряд камней’ < **waru*.

Таким образом, вся совокупность албанского этимологического материала позволяет нам вывести новое фонетическое правило, существенное для исторической грамматики албанского, а именно: начальное индоевропейское сочетание **uо-* (также при предшествующем **s-*) разбивается в албанское *u*, а не в предполагавшееся прежде *va-*.

III

При первом, самом поверхностном знакомстве с албанским словарем в его этимологическом аспекте, в глаза бросается одна необычная особенность албанской лексики – сравнительная скудость и плохая сохранность “классических” индоевропейских слов, тех типичных, стандартных лексических единиц, которые хорошо известны нам по большинству других ветвей индоевропейской семьи. При том что в албанском словаре найдется немало невыразительных как семантически, так и фонетически индоевропейских корней, многие яркие представители индоевропейской лексики оказываются за бортом албанского лексикона. Нет и не может быть сомнений в том, что в известной степени эта черта связана с особенностями исторического развития албанского, а может статься, и его положения среди других индоевропейских языков. Однако в не меньшей мере рассматриваемая здесь специфика албанской лексики может происходить и от субъективных причин, а именно от слабой этимологической изученности слов индоевропейского происхождения в албанском языке. В данном разделе наших заметок делается попытка “вернуть” албанскому некоторые важные слова индоевропейской древности.

Албанское название девочки, *vajzë*, не имеет надежного объяснения. Основываясь на более старых и фонетически консервативных формах *varzë* и *vashë* < **varshë*, исследователи предлагали, в основном, чисто умозрительные решения типа реконструкции **sɥo-ro*.²⁷ Или же сопоставления, недопустимые по историко-фонетическим причинам, например сравнение с греч. παρθένος ‘девушка’ и одновременно (!) с лат. *virgō* то же²⁸. Если учесть, наряду с приведенными выше вариантами, также *vajë* < **varjë* то же, то становится вполне очевидно, что перед нами – несколько разных суффиксальных производных, основан-

ных на незасвидетельствованной исходной форме *varĕ. В свете наших наблюдений, обсуждавшихся в разделе II, такая форма не может продолжать праалб. *warā. Очевидно, она могла возникнуть только в результате стяжения инлаутной последовательности, начинавшейся на любой другой гласный, кроме праалб. *a. Такому требованию полностью удовлетворяет реконструкция промежуточного *veharĕ из предполагаемого праалб. *swesorā. Последнее представляет собой морфологическое преобразование и.-е. **swesor-* ‘сестра’, сходное с тем, которое мы должны предполагать для алб. *motĕr* ‘сестра’ < *māterā, связанного с и.-е. **māter-*. В то же время семантическое изменение, происшедшее с *varĕ, хорошо согласуется с известной трансформацией значения у *motĕr*. Ключевое значение для исторической фонетики албанского языка имеет слово *thadĕr* ‘двойной топор’. Согласно этимологии Йокля²⁹, лексема *thadĕr* продолжает и.-е. **kes-dhro-*, от **kes-* ‘резать’, однако принять и саму эту этимологию, и предполагаемое фонетическое развитие консонантного сочетания трудно, поскольку в других индоевропейских языках она не могла быть ничем подкреплена. К тому же развитие *-d(h)r-* > *-dr-* вступает в противоречие с другими албанскими данными и, так или иначе, не подтверждается ни одним дополнительным примером. Ситуация изменится, если мы обратим внимание еще на одну лексему с подобной консонантной группой – *badĕr* ‘нарцисс’. Для обоих слов можно предложить древнеиндийские параллели, допускающие ранее не известное фонетическое развитие в праалбанском: алб. *thadĕr* = др.-инд. *śastrá-* ‘меч, нож’ < и.-е. **kes-tro-*, алб. *badĕr* = др.-инд. *bhāstrā* ‘мехи’ < и.-е. **bhes-tro-*, к **bhes-* ‘дуть, раздувать’ (с семантической мотивировкой албанского названия растения как ‘раздувающегося, растущего’). Предлагаемые сопоставления позволяют нам добиться двух результатов: с одной стороны, установить новое фонетическое правило для праалбанского (для которого, заметим, не обнаруживается противоречащих примеров), с другой, обнаружить санскритско-албанские цельнолексемные соответствия, из которых одно (алб. *thadĕr* = др.-инд. *śastrá-*) имеет очевидное значение в плане реконструкции культуры.

Еще один заслуживающий внимания пример – гегская форма *angĕrr*, выступающая в двух достаточно далеко отстоящих друг от друга значениях: ‘кожа’ и ‘кишки, внутренности, нутро’. Ясно, что этимологическое решение в большой мере зависит от того, какое направление семантического развития мы примем за основу. В этом смысле перспективным кажется взгляд Йокля и Чабея, которые сочли значение ‘нутро’ центральным, хотя развиваемая ими версия³⁰, выводящая наше слово из *hangĕr*, причастия от *ha* ‘есть’, не может быть принята по формально-словообразовательным и фонетическим соображениям. Такому объяснению препятствуют, среди всего прочего, как отсутствие начального *h-* в *angĕrr*, так и раскатистое *-rr* ауслаута. Тем самым, следует искать иное толкование. Праалбанский источник *angĕrr* должен был вы-

глядеть как *angarā, как можно думать, трансформированная в распространенный морфологический тип *r*-основа *angar (ср. выше о *vajzë* и *motër*). Я полагаю весьма вероятным, что перед нами – аналог известной индоевропейской *n*-основы **anghen-*, служащей для обозначения души, личности, а также, вторичным образом, запаха. Основа эта представлена исключительно на периферии индоевропейского мира, а потому имеет все шансы быть архаизмом: арм. *anjn* ‘душа, существо, личность’ = др.-исл. *angi* ‘запах, аромат’ (Рокоту I, 42).

Изучение албанской лексики в историко-этимологической перспективе сулит нам еще немало новшеств, существенных не только для исторической лексикологии албанского языка как таковой, но и в значительно более широком лингвистическом контексте. Хочется надеяться, что в этом плане не последнюю роль сыграет и готовящийся к печати новый словарь.

Примечания

- ¹ См., например, из последних по времени публикаций: Орел В.Э. Балканские этимологии. 113–115 // Этимология 1986–1987. М., 1989, 220–227.
- ² См.: Орел В.Э. Albanian Nominal Inflection, Problems of Origin // Zeitschrift für Balkanologie XIX, № 2, 1983, 126–127; *Idem*. Proto-Albanian Verb. Problems of Reconstruction // Zeitschrift für Balkanologie XXII, № 1, 1986, 76–85.
- ³ См., например: Орел В.Э. Албанский и южноиндоевропейские языки // Лингвистическая реконструкция и древняя история Востока. М., 1984, 76–78.
- ⁴ См. об алб. *gjem* ‘уздечка’: Орел В. Albanica parerga (Balkan etymologies 62–75) // IF XCI, 1986, 105–106.
- ⁵ Ср., однако, достаточно категоричное отнесение албанского к “греко-армяно-арийской диалектной группе” в кн.: Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1984, 911, ср. особенно прим. 3, где албанцы без больших колебаний сопоставляются с кавказскими ‘Αλβανοί.
- ⁶ См.: La Piana M. Studi linguistiche albanesi. Varia. Pezzino; Palermo, 1949, 33.
- ⁷ Çabej E. Studime etimologjike në fushë të shqipes I–II. Tiranë, 1976, 317–320.
- ⁸ Çabej E. Studime etimologjike në fushë të shqipes III. Tiranë, 1987, 153.
- ⁹ Mann S.E. Indo-European Consonants in Albanian // Language XXVI, 1950, 387.
- ¹⁰ См.: Орел В.Э. К истории развития протоалб. *d_u- // Античная балканистика 3. М., 1978, 37–39.
- ¹¹ Заимствование из с.-хорв. *дука* ‘гордость’ едва ли приемлемо вопреки Çabej E. Studime etimologjike në fushë të shqipes III. Tiranë, 1987, 243.
- ¹² Camarda D. Saggio di grammatologia comparata sulla lingua albanese I. Livorno, 1864, 73.
- ¹³ Meyer G. Albanesische Studien III. Lautlehre des indogermanischen Bestandteile des Albanesischen. Wien, 1892, 24, с объяснением начального *d-* из **en-t-*. Вероятнее всего, что в данном случае Г. Майер ориентировался на толкование Камарды, которого он, по своему обыкновению, предпочел не упоминать.
- ¹⁴ Mann S.E. Op. cit., 382.
- ¹⁵ Çabej E. Studime gjuhësore II. Prishtinë, 1975, 143–144. См. также: Çabej E. Studime etimologjike në fushë të shqipes III. Tiranë, 1987, 334–337.

- ¹⁶ Оставлено без истолкования в кн.: *Çabej E. Studime gjuhësore I. Prishtinë, 1975, 228*, где, однако, собран полезный лексикологический материал.
- ¹⁷ См.: *Невская Л.Г. Балтийская географическая терминология. М., 1977, 42.*
- ¹⁸ См.: *Çamarda D. Op. cit. I, 132.*
- ¹⁹ См. также: *Machek V. Recherches dans le domaine du lexique balto-slave. Brünn, 1934, 73–75.*
- ²⁰ *Meyer G. Op. cit. 4, 31, 71.*
- ²¹ См.: *Трубачев О.Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология 1968. М., 1971, 24–67.*
- ²² *Орел В.Э. Балканские этимологии 29–31 // Античная балканистика 5. М., 1984, 31–32.*
- ²³ См. также: *Jokl N. Studien zur albanesischen Etymologie und Wortbildung. Wien, 1911, 92; Çabej E. Studime gjuhësore II. Prishtinë, 1975, 237–238* (предпочитает сравнение с **udhë-*, ‘бить, топтать’).
- ²⁴ Едва ли правомочно сближение алб. *udhë* с хетт. *huda-* ‘спешка’, которое я предлагал ранее, см.: *Орел В. Балканские этимологии 96–99 // БЕЗ XXVIII, № 4, 54–55.*
- ²⁵ *Bopp F. Über das Albanesische in seinen verwandtschaftlichen Beziehungen. Berlin, 1854, 480–481.*
- ²⁶ *Çamarda D. Op. cit. I, 54*, а вслед за ним также *Çabej E. Studime gjuhësore II. Prishtinë, 1975, 240–242.*
- ²⁷ *Jokl N. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin–Leipzig, 1923, 260–261, 332.*
- ²⁸ *Barić H. Albano-rumänische Studien I. Sarajevo, 1919, 113–114.* Загадкой остается смысл сопоставления *vajzë* с *varrë* ‘рана’, см.: *Çabej E. Op. cit. 261–263.*
- ²⁹ См.: *Jokl N. Op. cit. 157–159.*
- ³⁰ *Çabej E. Op. cit. I, 35.*

И.П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. XX*

(рус. диал. *корсный, корсать*; болг. диал. *ошчер*; рус. диал. *ощать*)

И. В Словаре русских говоров Карелии (Словарь русских говоров Карелии 2, 437) зафиксирована уникальная лексема *кóрсный* ‘холостой, неженатый’, которая в других словарях не представлена и, естественно, нуждается в этимологической интерпретации. Установлению семантических связей рассматриваемого прилагательного, очевидно, может содействовать сопоставление с синонимичными образованиями, в частности, с слав. **xolstь(jь)* и **xolkъ(jь)* для выявления их семантических истоков. Из большого числа различных и, по мнению Фасмера, “исключительно гадательных этимологий” относительно *xolstь (Фасмер IV, 258) наибольший интерес представляет версия о возможности связи *xolstь,

Предшествующие статьи этой серии см. в предыдущих томах сб. “Этимология” (начиная с “Этимологии. 1972”).